

За пятьдесятъ лѣтъ¹⁾.

Воспоминанія артистки М. М. Глѣбовой.

(Окончаніе).

Глава 13.

Изъ ближайшихъ для меня ролей и очень отвѣтственныхъ была роль городничихи. Комическое впечатлѣніе производила я, 17 лѣтняя жена Сквозника-Дмухановскаго рядомъ со своей дочерью героиней въ пятьдесятъ лѣтъ. Замѣнить меня не было возможности. Приглашенная на это артистка не пріѣхала, а комическая старуха играла свою излюбленную роль Пошлепкиной. Какъ я играла эту роль, не знаю, не могу дать себѣ отчета. Должно быть выходило жалко и смѣшно. Изъ лица моего парикмахеръ устроилъ цѣлую географію, наклеили сѣдые брови, во молодость не замажешь, и я походила на кого угодно, во только не на городничиху.

Время шло, наступила зима. Жила я впроголодь, а обшубенкѣ нельзя было и думать. Вотъ я и ходила въ лѣтнемъ бурнусикѣ и въ дырявыхъ ботинкахъ. Купить было не на что, все мое жалованье почти цѣликомъ уходило на надобности сцены. Чтобы не такъ были замѣтны зіянія на ботинкахъ, я купила черные нитяные чулки. Въ одинъ изъ спектаклей меня познакомили съ морякомъ, занимавшимъ въ городѣ видное положеніе. Сидитъ онъ у меня въ уборной, а я заговорила и не успѣла ноги подобрать чтобы изъязнь ботинокъ спрятать, да на зло еще были надѣты свѣтлые чулки. Морякъ улыбнулся и говоритъ:

— Вы, барышня, не стѣсняйтесь, бѣдность не порокъ, а большое свинство. Я вамъ пришлю матроса, онъ вамъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1916 г.

сошьеть ботинки на славу! Прочные будутъ на удивленіе! ЛѢтъ десять пронесите! Желаете?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я такъ..., — отвѣчала я, вся покраснѣвъ до корней волосъ.

— Такъ не годится. Можетъ, денегъ нѣтъ, такъ онъ подождетъ... Я прикажу. Сошьеть онъ изъ коннаго матеріала... подождетъ... Это уже мѣняло дѣло. Слово „подождетъ“ было магическимъ, и я согласилась. Я приходила домой съ окоченѣвшими ногами, красными, какъ у гуся, и даже раза два приходилось оттирать тѣ пальцы, что съ любопытствомъ смотрѣли на свѣтъ Божій. Туфли, легкія для сцены, я бы умирала, не надѣла. Это была неприкосновенная святыня. Я написала свой адресъ и дала благодѣтелю рода человѣческаго. Такимъ мнѣ показался сѣдовласый морякъ. На другой же день явился матросъ, снялъ мѣрку и ушелъ, я даже не спросила о цѣнѣ, въ ожиданіи пришлось по-прежнему чернать снѣгъ и морозить ноги. Прошла недѣля, и рано утромъ ко мнѣ явился матросъ, въ рукахъ онъ держалъ пару ботинокъ на резинкахъ. Какъ матросъ, онъ ихъ сдѣлалъ очень похожими фасономъ на барки, а подошвы были такъ толсты и крѣпки, что когда я надѣла ботинки и пошла, то онѣ застучали, какъ колотушка ночного сторожа, я была въ восторгѣ. Конецъ мороженью ногъ.

— Барышня, обратился ко мнѣ матросикъ, ботиночками не нахвалитесь. Командиръ изъ остатковъ приказалъ сшить, да и фасонистые, въ магазинѣ не сошьютъ лучше..

Я поблагодарила, дала ему гривенникъ на чай, и матросикъ довольный ушелъ. Какъ только онъ скрылся за дверью, я отъ радости захлопала въ ладоши и прошлась мазуркой. Выходило великолѣпно! Подошвы отстукивали такъ, что самый усердный турецкій барабанъ не смогъ бы заглушить. Ходила я уже смѣло, ногъ не прятала и была очень довольна тѣмъ, что почти всѣ смотрѣли на мои ботинки. Я приписывала это ихъ эффектной внѣшности. Тѣмъ не менѣе и въ ботинкахъ жить было трудно, ахъ, какъ трудно! Ъла Богъ знаетъ что, пила гадкій чай, прикусывая сахаромъ и стряхивая въ чай сахарный соръ. Работала я много и играла, и танцевала, и въ живыхъ картинахъ участвовала, и въ водевиляхъ пѣла, и мимическія сцены изображала, а домой прійдешь—кушать нечего. Походишь, поищешь, не заболтался ли гдѣ кусочекъ хлѣба. Найдешь, хорошо, а не найдешь—тоже хорошо. Жалованье выплачи-

валось копѣйками и не полностью. Да что говорить, тяжело было. Какъ-то по театру пронесся слухъ, что пріѣхалъ знаменитый артистъ Николай Карловичъ Милославскій, что онъ намѣренъ кое-кого взять для Харькова. Всѣ подтянулись, пріодѣлись. Актриса, изображавшая бѣдную женщину, надѣла свой лучшей туалетъ, актеры безъ надобности понадѣвали фраки. У одного второстепеннаго актера не было въ манишкѣ запонки, такъ онъ ихъ нарисовалъ гриммированнымъ карандашомъ. Я играла водевиль и танцевала. Представьте мой ужасъ. Послѣ спектакля Милославскій подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Хочешь служить въ Харьковѣ?

Я что-то пробормотала, появился антрепренеръ мой, здѣшній. Онъ занскивающе обратился къ Милославскому.

— Михаилъ Карловичъ, Вы ужъ не сманивайте у меня актрисъ, а то я вынужденъ буду прекратить дѣло.

— Пошелъ прочь,—оборвалъ его Милославскій. Антрепренеръ спрятался.—Жалованья будешь получать сорокъ рублей.—Переговоривъ съ комиками и комической старухой и давъ на дорогу, онъ уѣхалъ домой. Мы трое на другой день собрали свои пожитки, наняли лошадей и на перекладныхъ маршъ въ путь-дорогу. Я въ легкомъ бурнусѣ...

Когда все уже было уложено, и я должна была садиться въ кибитку, отворяется дверь и является матросикъ, работавшій мнѣ ботинки. Видъ его былъ смущенный, онъ обратился ко мнѣ:

— Вы барышня уѣзжаете?

— Да, уѣзжаю...

— Командиръ приказалъ отобрать ботинки...

Разорвавшаяся неожиданно бомба не могла меня изумить больше, чѣмъ это заявленіе.

— Какъ же я...

— Не могу знать, приказано снять и принести на квартиру...

Матросъ двинулся ко мнѣ. Я сѣла и покорно вытянула ноги. Матросъ, снявъ ботинки и завернувъ ихъ въ ситцевый платокъ, ушелъ. Я сидѣла босая и уже не плакала. Ужасъ положенія заморозилъ меня. Сидѣла я часъ, сидѣла два. Наконецъ, ожидавшіе меня комикъ и старуха, съ которыми я должна была ѣхать, прибѣгаютъ ко мнѣ. Узнаютъ въ чемъ дѣло и разводятъ руками. Наконецъ подумавши комикъ беретъ листъ бумаги, ведетъ поставить мнѣ на нее ногу, очерчиваетъ и бѣжитъ къ Милославскому. Тотъ

залился смѣхомъ и вынулъ пять рублей на ботинки. Комикъ едва его засталъ, черезъ минуту онъ уже уѣхалъ. Словомъ, ботинки были куплены, и мы тронулись. Меня посадили въ середину, чтобы было теплѣй. Какое тутъ! Вѣтеръ свистѣлъ и рвалъ и проникалъ до мозга костей. Я стучала зубами и начала каменѣть. На мое счастье перегонъ былъ небольшой, и мы вошли въ домъ. Меня отогрѣли и когда мы двинулись дальше, я была завернута въ свое одѣяло и въ одѣяло комической старухи. Это было болѣе чѣмъ тепло. Это было и хорошо и удобно. Я чувствовала себя счастливой. Словомъ, меня какъ Аркашку доставляли на мѣсто службы. Съ тою только разницею, что меня заворачивали въ одѣяло, а его въ коверъ. Привезуть на станцію, раскатаютъ, а какъ только наступаетъ моментъ отъѣзда, закатаютъ. Ыхали мы долго, считались болѣе чѣмъ скромно. Передъ самымъ Харьковомъ на насъ напали волки, но лошадь подхватила и донесла насъ до слободки. Волки, почуя жильѣ, отстали, и мы нѣсколько времени слышали ихъ непріятный вой. На общемъ совѣтѣ мы рѣшили остановиться гдѣ-нибудь подешевле, а стало быть подальше, и вотъ нашъ послѣдній возница высадилъ насъ въ заѣзжемъ домѣ. Мы съ комической старухой помѣстились вмѣстѣ. Я попала въ хорошую труппу. Тамъ служили артисты и артистки, которые потомъ приобрѣли большую извѣстность. Жилось мнѣ нѣсколько легче. Сорокъ рублей мнѣ казались чѣмъ-то большимъ. Роли раздавались толковѣй, и режиссеръ проявлялъ свою дѣятельность. Объ этомъ я поговорю подробнѣй.

Г л а в а 14.

Въ Харьковѣ я прослужила два сезона. Особенно отвѣтственныхъ ролей я не играла, но тѣмъ не менѣе исполняла роли видныя. Преимущественно водевили. Николай Карловичъ Милославскій, часто режиссировавшій, находилъ меня очень способной, и я играла нѣкоторыя роли подъ его наблюдениемъ и пользовалась его совѣтами. Затѣмъ у меня явилась мысль поѣхать искать счастья въ Петербургъ. Скопивъ рублей двѣсти денегъ, я, взявъ съ собою мою горничную, которая была очень привязана ко мнѣ, отправилась въ Петербургъ, не представляя себѣ дороговизны жизни и трудности достать работы. Когда я ѣхала съ вок-

зала, видъ столицы, ея суетливая жизнь поразили меня, и я почувствовала страхъ. Все было холодно и чуждо, и моя горничная казалась мнѣ близкимъ и дорогимъ существомъ. Я сказала, чтобы извозчикъ везъ меня въ гостиницу, но не объяснила въ какую. Я думала, что и въ Петербургѣ можно имѣть номеръ за десять рублей въ мѣсяцъ, а за пятнадцать представляла себѣ палеццо. Подъѣхали мы къ гостиницѣ „Франція“ на Малой Морской улицѣ. Меня высадили швейцары и—о ужасъ!—помѣстили въ номеръ, стоящій тридцать пять рублей по-мѣсячно. Отказаться у меня не хватило рѣшимости, и мнѣ просто-на-просто было совѣстно. Куда обратиться, я не знала; объ Императорской сценѣ не смѣла думать, а частныхъ театровъ, къ моему ужасу, тогда не оказалось.

Время шло, деньги таяли, и вотъ, какъ-то заглянувъ въ кошелекъ, я увидѣла въ немъ послѣдніе 15 рублей. Хорошо, что за номеръ еще разъ было уплачено впередъ. Положеніе критическое, и вотъ мы съ горничной цѣлый мѣсяцъ (фактъ) питались салатомъ, приправу для котораго т. е. прованское масло брали бесплатно въ буфетѣ. Это было форменно голодное существованіе. Какъ-то въ газетѣ я прочла что-то объ управляющемъ Императорскими театрами графѣ Борхѣ. Это и главное голодъ натолкнули меня на мысль ѣхать къ нему и просить дебюта. Въ Харьковѣ я имѣла большой успѣхъ въ роли Полины („Доходное мѣсто“ Островскаго) и рѣшила въ этой роли появиться передъ петербургской публикой; не испытывай я голодъ, мнѣ бы никогда не пришелъ въ голову такой рѣшительный шагъ. Узнавъ, когда графъ принимаетъ, одѣвшись въ черное платье, собственно подходящее для визита, я наняла извозчика и поѣхала. Въ пріемной не было никого. Было очень рано. Наконецъ, появился чиновникъ и спросилъ, что мнѣ угодно. Я объяснила. Онъ записалъ въ книжку. Пріемная стала наполняться, и мнѣ было почему-то и страшно и совѣстно. Мнѣ казалось, что всѣ знали о моемъ салатѣ съ прованскимъ масломъ и догадывались о причинѣ, меня въ пріемную толкнувшей. Вызывали по очереди, моя была первая.

— Мадамъ Глѣбова, пожалуйста, вызвалъ меня чиновникъ. И вотъ мадамъ Глѣбова съ упавшимъ сердцемъ, съ дрожащими колѣнами двинулась въ кабинетъ управляющаго театромъ. Войдя, я увидѣла старика високаго, гладко-причесаннаго, одѣтаго въ черный сюртукъ. Это былъ въ

полномъ смыслѣ баринъ-аристократъ. Онъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо и попросилъ сѣсть. Лицо его свѣтилось такой добротой и привѣтливостью, что робость моя спала на половину.

— Вы желаете дебютировать?— обратился ко мнѣ съ вопросомъ графъ.

— Да,— отвѣчала я.

— Къ сожалѣнію, это невозможно...

Эта фраза разомъ погубила меня.... Я безпомощно заморгала глазами и вертѣла носовой платокъ. Видъ мой былъ жалокъ и видно тронулъ графа. Онъ снова заговорилъ:

— Дебютъ невозможенъ потому, что теперь вторая половина сезона. Въ это время дебюты не разрѣшаются, Вы явились въ неудобное время. Вы изъ провинціи?

— Да....

Слезы потекли по моему лицу...

— У васъ есть въ Петербургѣ родные, знакомые?

— Нѣтъ. У меня только горничная....

Графъ улыбнулся.

— А средства есть?

— Нѣтъ...

— Какъ же вы будете жить?

— Не знаю...

Графъ задумался.

— Бываете въ театрахъ?

— Нѣтъ...

Графъ удивленно посмотрѣлъ.

— Почему?

— Денегъ нѣтъ,—букнула я.

Графъ снова улыбнулся и снова задумался.

Онъ молчалъ, я тоже...

— Ну вотъ что, началъ онъ въ третій разъ разговоръ, я, если хотите, дамъ вамъ дебютъ, но не на сценѣ Александринскаго театра, а на сценѣ Императорской школы. Желаете?

Я такими радостными и счастливыми глазами посмотрѣла на графа, что давать словеснаго согласія не пришлось. Онъ всталъ. Я тоже.

— Прошу васъ оставить Вашъ адресъ у чиновника. Запишите тоже въ чемъ желаете выступить. До свиданія.

Графъ протянулъ мнѣ руку. Аудіенція была кончена. Я вышла. Въ пріемной было много мужчинъ и женщинъ. Мужчины были всѣ бриты. Я подошла къ чиновнику и

весело улыбнулась, попросила его записать адресъ, онъ тоже невольно улыбался, занесъ въ свою книжечку мое мѣсто-жительство, названіе пьесы, и я ушла. Выйдя на улицу, я готова была каждому встрѣчному повѣдать мою радость, ноги не шли, а несли меня. Я думала, что если дебютъ данъ, то дѣло въ шляпѣ. Войдя въ номеръ, я бросилась на шею горничной и плакала слезами радости. Мнѣ и моей вѣрной спутницѣ было хорошо; мы были счастливы, вполне счастливы.

На другой день, часовъ въ десять утра въ мой номеръ постучались. Я сама отворила дверь, и передо мной стоялъ театральный курьеръ съ конвертомъ и книгой. Онъ просилъ расписаться. Я исполнила. Онъ ушелъ. Разорвавъ конвертъ, я была поражена. Въ немъ было письмо и двѣсти рублей денегъ. Это прислалъ Борхъ, объяснивъ, что это мнѣ, какъ молодой артисткѣ, которой необходимо посѣщать театры, на театральныя удовольствія. Я прямо застыла. Обратилась въ соляной столбъ. Горничная намѣревалась всплеснуть руками, но тоже замерла, и ея рука остановилась въ воздухѣ. Сумма эта спасла меня. Впервые мы обѣдали и съѣли четыре обѣда. Послѣ мѣсячнаго питанія салатомъ, это немного, смѣю увѣрить, немного. Затѣмъ доживъ до срока, мы отыскали себѣ дешевую комнату и переѣхали. О перемѣнѣ адреса я заявила въ контору Императорскихъ театровъ. О, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала дебюта.

Но не все такъ скоро дѣлается, какъ желаешь... Улита ѣдетъ, когда-то будетъ.

Я заходила въ контору театровъ, справлялась, но никакого распоряженія и увѣдомленія не было. Я уже стала думать, не забылъ ли графъ, не передумалъ ли, и разныя непріятныя мысли лѣзли мнѣ въ голову. Деньги я берегла, какъ зеницу ока.

Кушанье готовили дома, и я рѣшилась опять начать ѣсть салатъ, но дождаться желаемого дебюта.

Раза два я позволила себѣ пойти въ Александринскій театръ. Я была очарована игрой старика Сосницкаго, Самойлова и старухи Линской. Боже, какіе это были чудные актеры. Да вообще труппа мнѣ казалась очень хорошей, неужели, думалось мнѣ, и я когда-нибудь заиграю на этихъ подмосткахъ. Неужели? Я снова набиралась терпѣнія и ждала. Я не помню точнаго времени, сколько пролетѣло его, но... снова появился курьеръ. Я расписалась въ полученіи казеннаго пакета. Разорвавъ его, я въ немъ денегъ

не нашла, а мнѣ назначили часъ явиться къ начальнику репертуарной части Павлу Степановичу Федорову.

Явиться я должна была черезъ нѣсколько дней, и эти дни тянулись недѣлями. Но вотъ насталъ завѣтный часъ отъѣзда, и я опять отправилась на мытарство. Жилъ Федоровъ у Александринскаго театра, на казенной квартирѣ. Я позвонила. Отворилъ швейцаръ и довольно грубо спросилъ:

— Вамъ кого:—начальника?—и не дождавшись отвѣта и захлопывая передъ носомъ дверь, проговорилъ:—черезъ полчаса, рано.

Пріемъ былъ не изъ вѣжливыхъ, но я не теряла бодрости и пошла маршировать вокругъ театра. Маршировала я добросовѣстно и наконецъ снова пошла къ подъѣзду. Дверь была не заперта, и я вошла. Сняла верхнее платье и сѣла въ пріемной. Это была вполнѣ казенная комната. Народу стало прибывать, но немного. Человѣкъ восемь. Чиновника предварительнаго не было. Мы всѣ ждали, тоскливо поглядывая то на потолокъ, то на стѣны, то на мебель. Послышались шаги, отворилась дверь, и появился Павелъ Степановичъ Федоровъ...

Г л а в а 15.

Вошелъ старикъ ниже средняго роста. Выраженіе его лица было кисло-презрительное. Всѣ встали и приняли почтительный видъ. Онъ окинулъ всѣхъ взглядомъ, остановился на мнѣ и сейчасъ же повернулся спиной, обратясь къ одной изъ присутствовавшихъ. Затѣмъ по очереди переговорилъ со всѣми. Разговоры были чисто театральные: объ отпускѣ, объ роляхъ и пр. Голосъ его былъ полуженскаго тембра, и губы шамкали; какъ я потомъ узнала, прозвали его актеры: губошлепомъ. Всѣ разошлись, осталась я одна. Павелъ Степановичъ пошелъ къ себѣ. Неужели онъ забылъ обо мнѣ, подумала я, но начальникъ вдругъ повернулся и издали спросилъ, прищуривая глаза:

-- Вамъ что? Вы вызваны? Вы Глѣбова?

— Да, это я...

— Гм... Дебютика желаете?

— Да.

— Обратились прямо къ графу... что-жъ... хорошо... такъ дебютика?

Въ голосѣ его чувствовалось потка раздраженія.

— Что жъ Вамъ графъ сказалъ?.. а?.. Дебютика дать нельзя? Не во время беспокоили?

— Нѣтъ, онъ сказалъ, что дебютъ дастъ...—осмѣлилась я возразить.

— Дастъ? Вотъ какъ! Вы, г-жа Глѣбова, такъ ли поняли? Среди сцены дебютовъ нѣтъ и быть не можетъ. И для васъ не могу ломать репертуаръ! Вамъ бы слѣдовало въ началѣ ко мнѣ обратиться... да-съ... ко мнѣ. Я начальникъ репертуарной части. Дебюта быть не можетъ! Совѣтую ѣхать въ провинцію, а тутъ—словомъ, ничего не выйдетъ!

Я рѣшилась идти напроломъ.

— Я знаю, графъ тоже сказалъ, что въ театрѣ дебюта быть не можетъ, но сказалъ, что дастъ мнѣ его на сценѣ Императорскаго училища.

— Знаю, знаю... но это забава... я думаю, что это вамъ не послужитъ ни къ чему... и не совѣтую настаивать...

— Нѣтъ, я все-таки прошу...

— Хорошо-съ... но это не скоро... Надо мнѣ время... затруднительно... Постомъ, Великимъ постомъ.

— Слушаю-съ...

— А въ чемъ бы вы желали похвастаться? Удивить насъ!

— Въ Доходномъ мѣстѣ...

— Такъ-съ... Какую же роль?

— Полины.

— Такъ-съ. Полину желаете играть... роль трудная. У насъ ее хорошая артистка играетъ. Выгодно ли будетъ сравненіе? Можетъ быть Юлиньку сыграете, или тамъ есть роль горничной. Роль небольшая и не отвѣтственная, спокойнѣй будетъ.

— Нѣтъ, я прошу въ Полину меня выпустить.

— Стало-быть вы отъ предлагаемыхъ ролей отказываетесь? Я такъ и передамъ графу...

— Позвольте, я не отказываюсь, а прошу выпустить меня въ подходящемъ, въ чемъ я увѣрена.

— Но я предлагаю дебютъ въ другихъ роляхъ... Я передамъ графу, что Вы выбрали неудобную роль... а отъ удобныхъ отказываетесь.

Я поняла, что онъ меня жметъ и желаетъ выжить. Впереди салатъ, прованское масло... грудь мою сжало, и я, лишаясь сознанія, сказала:

— Какъ Вамъ, г-нъ начальникъ, будетъ угодно, по я поѣду еще разъ просить графа разрѣшить дебютъ въ Подливѣ.

Настушило молчаніе. И. С. Федоровъ щурился и шамкалъ губами. Я ждала. Онъ началъ.

— Что-жъ жаловаться на меня желаете?.. Хорошо-съ... чтобы не беспокоить пустяками графа... я устрою вамъ это..

Г л а в а 16.

Насталъ Великій постъ.

Наконецъ, желаемое извѣщеніе я получила. Меня вызвали на репетицію. На одной репетиціи присутствовалъ начальникъ репертуарной части. Ему кланялись, онъ отвѣчалъ, какъ будто это не касалось его. Я ему не поклонилась. Онъ прищурился, зашамкалъ губами и пристально посмотрѣлъ на меня. Я спокойно смотрѣла на него, но только смотрѣла. Сердце билось сильно, сильно, и откуда взялась храбрость—не знаю. Я только чувствовала, что передо мной мой врагъ. Почему, что, какъ? Это было для меня тайна. Вдругъ онъ быстро подошелъ ко мнѣ и спросилъ, шлепая губами:

— Вы меня не узнаете?

— Узнаю, отвѣчала я и сейчасъ же спросила: А вы меня?

— Какъ же, какъ же... г-жа дебютантка... ну, вотъ и дебютируйте.

Сказавъ это, онъ отошелъ и сталъ о чемъ-то говорить съ режиссеромъ Яблочкинѣмъ. Репетиція продолжалась. Режиссеръ сталъ у будки и почти на каждомъ словѣ останавливалъ меня. По-просту говоря, придирался. Останавливая и говоря, что я дѣлаю неправильно, тѣмъ не менѣе указаній не дѣлалъ никакихъ. Окружающіе не давали мнѣ тона, репетировали про себя, а я старалась играть во всю и чѣмъ болѣе придирался ко мнѣ г-нъ Яблочкинъ, тѣмъ я старалась играть въ тонъ. Репетиція окончилась. Ко мнѣ подошелъ режиссеръ и, надѣвая пенсне, произнесъ:

— Слабо-съ! Преждевременно-съ! Не по силамъ-съ! Совѣтую не дебютировать.

Я молчала.

— Какъ же вы рѣшаете, М-ме Глѣбова?

— Дебютировать, отрѣзала я.

— Какъ угодно-съ... Спектакль состоялся черезъ два дня.

Г-нъ Яблочкинъ повернулся на каблучкахъ и отошелъ. Я отправилась домой. На меня напала трусость. А что, если и впрямь я играю скверно? Но сейчасъ же передо мной вставалъ мой успѣхъ въ роли Цолины въ Харьковѣ, отзывы газетъ, товарищей, и все это ободряло меня и я боролась страхъ. Ночью я просыпалась, точно отъ предчувствія чего-то сквернаго... затѣмъ засыпала и опять просыпалась.

Насталъ вечеръ спектакля. Я имѣла большой успѣхъ. Въ театрѣ присутствовалъ Государь Александръ II и великіе князья: Константинъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ. Я видѣла, что они тоже мнѣ аплодировали, и была безумно счастлива. Насталъ антрактъ, послѣ моего лучшаго дѣйствія. Я стояла за кулисами, вдругъ ко мнѣ запыхавшись подбѣгаетъ Яблочкинъ и, любезно улыбаясь, произноситъ:

— Государь, Государь, пожелалъ васъ видѣть.

Я замерла и не вѣрила своимъ ушамъ.

— Пожалуйста!

Я шла и чувствовала, что лишаюсь силъ. Въ глазахъ мутилось, дыханье останавливалось. На сценѣ я увидѣла Государя и великихъ князей. Меня поразили и ихъ красота, величіе и любезность. Государь удостоилъ меня разговоромъ, подалъ мнѣ руку, похвалилъ за игру, спросилъ, откуда я, гдѣ родилась и гдѣ воспитывалась. Послѣдній вопросъ засталъ меня врасплохъ, и я послѣ короткаго молчанія отвѣтила: я получила домашнее образованіе, меня папаша училъ. Государь улыбнулся, пожелалъ мнѣ успѣха. Константинъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ тоже похвалили меня и ушли. Боже, какъ я была счастлива, какъ радостно билось мое сердце, какой восторгъ охватывалъ меня. Судьба моя была рѣшена, меня приняли на Александринскую сцену съ окладомъ въ 600 рублей въ годъ. Ахъ, какъ это было хорошо и много, и эта сумма мнѣ казалась куда больше, чѣмъ я впоследствии получала восемьсотъ и тысячу рублей въ мѣсяцъ.

Словомъ, я артистка Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, я добилась своего, и голодовка на пропала даромъ, да и начала мнѣ казаться чѣмъ-то отдаленнымъ. Точно все это было во снѣ. Меня кто-то поздравлялъ. Я кого-то благодарила. Раздѣвшись и разгриммировавшись, я въ казенной каретѣ-колымагѣ отправилась домой. Карета

была большая, широкая, старая и тряская. Медленнѣй я никогда въ жизни не ѣздила. Такой счастливой, какъ въ тотъ вечеръ, никогда до этого себя не чувствовала. Спала крѣпко и вѣроятно не видѣла сновъ.

Въ то время на Александринской сценѣ служили корифеи нашего искусства: Струйская, Стрѣльская, Жулева, Левкѣева, Сосницкій, В. В. Самойловъ, Сазоновъ и друг.

Дебютировала я въ роли Полины въ „Доходномъ мѣстѣ“ съ большимъ успѣхомъ, затѣмъ въ пьесѣ „Не первый не послѣдній“. Въ этой пьесѣ успѣхъ возросъ, и отдѣльныя фразы прерывались аплодисментами.

Никогда я не забуду слѣдующаго: во время аплодисментовъ г-нъ Никольскій началъ шептать мнѣ: „кланяйтесь, кланяйтесь, что же вы“. Я по глупости среди пьесы и давай откланиваться публикѣ. Кончился актъ, ко мнѣ подходитъ Сосницкій и говоритъ: „Зачѣмъ вы среди акта, стоя на сценѣ, кланялись, это не слѣдуетъ!“ Я ему и говорю: „это г-нъ Никольскій сказалъ мнѣ, чтобы я сдѣлала“. Старикъ удивленно отвелъ глаза и только могъ сказать: „Какая мерзость! Не слушайте, не дѣлайте этого!“

Отношенія ко мнѣ графа Борха, чисто-отеческія, породили неудовольствіе. Режиссеръ Яблочкинъ сталъ меня тѣснить и заставлялъ играть въ опереткѣ Венеру, говоря: „Вы красавица, вы должны играть эту роль“, а роль была въ три слова, да и вообще у меня не было ни слуха, ни голоса. Прослуживъ годъ, я уѣхала въ провинцію, получивъ ангажементъ въ гор. Тифлисѣ. Тамъ моими сослуживцами были такіе талантливые актеры, какъ напр. Градовъ-Соколовъ и Журинъ, а режиссеромъ былъ г-нъ Агравовъ. Съ этого момента я начала занимать первенствующее положеніе и пошла быстро въ гору.

Сообщ. П. Скуратовъ.

